

Н. Н. ГОЛОВИН

<«Вся сила его была в солдатских массах на фронте»>

<...> Солдатская масса в первые дни революции была ошеломлена быстротой и легкостью, с которой пала царская власть. По инерции, она бурно приветствует новую власть в лице Временного правительства. Но вскоре до нее уже доходят сведения, что истинная власть не там, а в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Она не хочет порвать с Временным правительством, вынесенным на гребне первой волны революции; но ее симпатии на стороне Совета рабочих и солдатских депутатов. Крайне характерно указание доклада на то, что настроения солдатских представителей в комитетах войсковых частей, сохранивших большую боеспособность, соответствуют политическим воззрениям правого крыла Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Так оно и было повсеместно. Большевистский писатель Яковлев, в предисловии к книге «Разложение армии в 1917 году»¹, подтверждает это, заявляя, что «в первые дни революции во главе этих (войсковых) комитетов стали сначала эсеровские и меньшевистские интеллигентские элементы, которые пытались вложить революцию в Прокрустово ложе буржуазных полуреформ»². Эти элементы создали ту громадную популярность, которой начал пользоваться с первых же дней революции в солдатских массах, находившихся на фронте, А. Ф. Керенский. Это и выдвинуло его в июле месяце во главу правительства, несмотря на то, что он уже не отвечал революционным устремлениям Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В этом и являлась трагичность роли Керенского. Вся сила его была в солдатских массах на фронте; эта масса запаздывала в своем разложении по сравнению с главным очагом революции, Петроградским Советом рабочих и солдатских

депутатов; всякое дальнейшее «углубление» революции подрывало силу Керенского и увеличивало силу Петроградского совдепа. Вот почему солдатская масса на фронте и является теперь ареной борьбы двух направлений: одного — старающегося задержать революцию в ее политической стадии; другого — стремящегося ускорить ее превращение из политической в социальную. Несомненно, что представители первого направления, к числу которых должен быть отнесен и Керенский, бессознательно тоже толкали революцию к переходу в социальную. Керенский неоднократно кричал на солдатских митингах: «Товарищи, углубляйте революцию». Но здесь так же, как и в других подобных случаях, нужно видеть лишь демагогию, посредством которой он и его политические единомышленники думали захватить власть над стихией толпы. Такой же неразумной демагогией должны быть объяснены распоряжения Керенского, заменившего в мае месяце Гучкова на посту военного и морского министра, ведущие к подрыву авторитета военных начальников, к падению дисциплины и к дальнейшему разложению армии. Керенский совершенно не отдавал себе отчета в том психологическом процессе, который происходил в Армии с начала революции. Положение же в этом отношении было исключительно трудным; причина этой исключительной трудности заключалась в том, что войска, заболевшие революционным психозом, должны были в то же время воевать. Совершенно естественно, что то бремя, которое выпало на долю России в первые три года войны, при малом понимании целей и задач войны самой народной массой, должно было вызвать сначала неудовлетворенность, а затем и недовольство войной. Таким образом, наряду со стимулами политического, экономического и социального содержания, свойственными всякой революции, в русской народной и солдатской массах с начала революции усиленным темпом нарастает желание окончить войну.

